

иллюзорности (так необходимый современной цивилизации – прим. автора), виртуальное время – напротив, создает иллюзию всеисильности над вечностью и энтропией, обобщая человека надеждой на бессмертие»[3]. Виртуальное время характеризуется «неуниверсальностью» (специфичностью), т.е. своего рода индивидуальностью; дискретностью – адекватным сочетанием линейного и циклического понимания хода времени; обратимостью как возможностью исправить ошибки и переиграть сложившееся; беспредельностью как победой над конечностью и, значит, ограниченностью человека и цивилизации в целом; неравномерностью хода, что позволяет социуму вписываться в неразмеренный, убыстряющийся ритм постиндустриального общества. Особенную позитивную окраску виртуально трактуемому времени придает кажущаяся несерьезность, легкость и «вседоступность» (вседозволенность) нового социального времени XXI века. С точки зрения автора, виртуальность как черта социального времени постиндустриальной цивилизации порождает ценности неукорененных и ускоренно-облегченных (которые точно отражает сленговое выражение «не заморачиваться») отношений в социуме.

В XXI веке человечество вышло на такой уровень знаний и социальной организации, который дает нам возможность жить в преимущественно общественном мире – новом бытии, новом информационном веке, новой культуре и, как следствие, в новом времени, которое может рассматриваться как метаязык социума. Но признав власть социума, мы еще не готовы назвать ее тотальной, распоряжающейся не только нашим поведением, но и нашим временем. Идея объективного «надмирового» (космологического) справедливого времени еще господствует в нашей цивилизации, однако все более рельефной, фактически осязаемой становится идея осознания связи времени и социального существования, что требует изучения социального конструкта времени как такового и влияния времени, порожденного социумом, на личность.

Список цитированных источников

1. Бодрийяр, Ж. Общество потребления/ Ж. Бодрийяр – Москва, 2006.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.
3. Галкин, К.Ю. Размышление о виртуальном времени [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=105427#1> – Дата доступа: 05.03.2013.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Т.Г. Соловей

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Проблематика политических партий и партийных систем традиционно занимает важное место в политической теории. Политические партии являются неотъемлемым элементом политической системы общества и играют заметную роль в политическом процессе. Представляя интересы различных социальных групп и слоев общества, партии стремятся к их реализации посредством завоевания и осуществления государственной власти. В демократическом обществе политические партии выступают в роли посредника между гражданским обществом и государством, являются главным связующим звеном между властью и гражданами.

Партии современного типа сложились в XIX в. и с тех пор претерпели существенную эволюцию: от элитных кадровых партий к массовым, затем – к универсальным и, наконец, картельным партиям. Выделенные типы раскрывают разные этапы партийного развития стран Запада. В XIX – нач. XX в. партии создавались на ярко выраженной социально-классовой основе. Социальный состав партий и их электората был по

преимуществу классово однородным. Существовала корреляция между социальным положением различных групп населения и характером их партийного голосования. Однако после Второй мировой войны партии стали утрачивать свою прежнюю социальную идентичность. Усиливается неустойчивость и неопределенность социальной базы партий, снижается уровень партийной идентификации граждан. Многие избиратели меняют свою партийную приверженность от выборов к выборам, поддерживают кандидатов разных партий на выборах различного уровня.

Реакцией на это стало появление в 60-х гг. XX в. концепции «универсальной», «общенародной» партии (О. Киркхеймер), или «партии притяжения» (Р.-Ж. Шварценберг), «партии для всех», «партии избирателей» (Ж. Шарло). Возникновение универсальных партий бросило вызов идее социального представительства. Данные партии ориентированы на максимальную мобилизацию электората, независимо от социальной, этнической принадлежности и идеологических предпочтений. Универсальная партия стремится избежать отождествления себя с интересами какого-либо одного класса или слоя и предстает как выразитель общего интереса. Для такой партии уже не столько важно массовое членство, сколько массовость избирателей. Партия все меньше агрегирует интересы конкретных социальных групп, заботясь преимущественно лишь о получении необходимого числа голосов на выборах.

Размытость социальной базы универсальных партий в значительной степени определяет аморфность их идейно-политического облика. Очевидны такие тенденции идеологического развития универсальных партий, как постепенная деидеологизация, усиление прагматизма в действиях, сближение позиций партий в направлении центра. Это не означает, что идеология как система коллективных ценностей полностью утрачивает свою значимость. Однако она все более становится символом партии, мало влияющим на ее повседневную деятельность.

Стремясь привлечь на свою сторону как можно большее число избирателей, универсальные партии постепенно ослабили электоральные связи со своими традиционными приверженцами; что привело к сокращению интеграционного потенциала партий и, как результат, к снижению эффективности проводимой ими политики.

Последняя четверть XX столетия ознаменовалась значительным спадом общественного влияния политических партий. В странах Запада сокращается численность политических партий, в их рядах растет удельный вес лиц старшего возраста. Усиливается автономия избирателей по отношению к партиям, снижается уровень партийной идентификации граждан. Существенная эрозия партийного голосования протекает на фоне падения интереса общества к выборам, партиям и политическому процессу в целом.

В связи с этим многие исследователи заявили о кризисе партии как политического института, потере ею своей роли и влияния в обществе и даже о «конце партий» (Дж. Барбер, Д. Бродер, Ж. Сорван-Шрейбер и др.). Однако эти утверждения не получили широкой поддержки в научной литературе. Хотя влияние партий действительно уменьшилось, их «не следует хоронить преждевременно», считает американский политолог С. Элдерсвельд. Партии по-прежнему играют ключевую роль в функционировании политической системы (Н. Полби). Э. Бьюэлл пишет, что американские партии переживают упадок в одних отношениях, но расцвет в других. Видоизменение роли партий вряд ли может служить достоверным поводом для заключения об их закате как политического института. Устарели не сами партии, а скорее традиционные представления о них, об их функциональном и организационном назначении. Партии не отмирают, а претерпевают существенную трансформацию, которая отражает эволюцию современного демократического процесса.

Нынешний этап общественного развития характеризуется значительным обновлением, реформированием политических партий. Изменение партий происходит под воздействием таких мировых реальностей, как развертывание компьютерной революции, обострение глобальных проблем современности, социальная модернизация общества, усиление воздействия СМИ на общественное мнение и культуру. Развитию и трансформации политических партий способствовали массовые социальные движения 60-80-х годов XX в. – экологическое, антивоенное, альтернативные движения и гражданские инициативы. Наиболее активные участники этих движений объединились в партии «новой волны», в частности, партии «зеленых». Партии данного типа выступают под лозунгами расширения гражданских прав, самоуправления и политического участия граждан, борьбы за мир, защиты окружающей среды. Эти партии отличаются от традиционных более гибкой организационной структурой, открытостью и гласностью внутрипартийной жизни, жестким контролем снизу за деятельностью руководства, частой ротацией партийных кадров. Партии новой волны строятся на базе постматериальных ценностей, широко используют нетрадиционные способы политического влияния, прежде всего различные методы ненасильственных действий.

Сегодня исследователи говорят о формировании нового поколения политических партий – так называемых «постмодернистских» партий. Эти партии описываются как картельные партии (термин предложен Ричардом Катцем и Питером Мэйром в 1995 г.), медиа-партии, партии-кливажи, электорально-профессиональные и т.п. Процесс развития постмодернистских партий идет в направлении укрепления их непосредственной связи с государством, а также усиления связей между партиями. Для данных партий характерны ослабление социально-классовой и идеологической идентичности, подвижность партийных структур, ослабление партийной дисциплины, но усиление консенсусного начала в их деятельности.

Стремление выжить заставляет партии объединяться в картель на политическом рынке и договариваться между собой о разделе и использовании государственных ресурсов. «Развитие картельных партий зависит от сговора и сотрудничества между мнимыми конкурентами и от договоренностей, требующих согласия и кооперации всех или почти всех важных участников, – пишут Р. Катц и П. Мэйр. – С возникновением картельных партий конкуренция... становится ограниченной и управляемой. Партии все еще продолжают конкурировать, но при этом вместе со своими конкурентами они заинтересованы в коллективном выживании. В некоторых случаях стимул к конкуренции заменяется позитивным стимулом не конкурировать» [1; С.38].

Новый стиль электоральной конкуренции приводит к изменениям в ресурсной базе партий, характере партийной работы, проводимой избирательной кампании. Новые партии все меньше внимания уделяют собственным каналам коммуникации, стремясь к получению доступа к непартийным информационным сетям. Избирательные кампании картельных партий становятся исключительно капиталоемкими, профессиональными и централизованными.

Картельная партия становится механизмом распределения государственных постов и субсидий между профессиональными группами политиков. Картельные партии озабочены не новыми идеологическими или политическими курсами, а доступом к государственным ресурсам. Происходит этатизация партий, сращивание их с государством через доступ к публичным постам, значительно возросшее государственное финансирование и проникновение в государственные СМИ.

Тем самым, партии, возникшие как институт гражданского общества и служившие посредником между ним и государством, становятся частью государства, у которого они черпают ресурсы для собственного выживания, и действуют как его агенты [2, с.321].

Внутренняя организация картельной партии характеризуется не иерархией, а «стратархией»: местные лидеры и высшая партийная элита действуют относительно автономно друг от друга; местное партийное руководство свободно в проведении нужной ему политики, высшее руководство партии профессионализируется и теряет непосредственную связь с рядовыми членами. Атомистическая концепция партийного членства основывается на возможности прямого контакта избирателя с лидерами, минуя местные организации.

Отмечается лишь начальная стадия формирования постмодернистских партий, но их признаки явно просматриваются в партийных системах Италии, Австрии, Дании, Швеции, Финляндии, где сильны традиции межпартийной кооперации и компромиссов, сочетающиеся с государственной поддержкой партий.

Современные тенденции партийного развития западных стран отражают трансформацию партий в условиях перехода к постиндустриальному обществу. Партии адаптируются к изменениям политической среды, модифицируя свою структуру и поведенческие модели. Особенно важным является изменение содержания и соотношения партийных функций, переход некоторых функций партий к СМИ и другим политическим институтам. Партии все меньше способны выполнять функции артикуляции, агрегирования интересов и выдвижения их на политическую повестку дня, а также функции коммуникатора и посредника между обществом и государством. Партии во многом уступают СМИ свои позиции в области политической социализации, пропаганды, политической интеграции и мобилизации граждан. Ограничивает роль политических партий и интенсивное развитие корпоративизма. Организованные группы интересов, профсоюзы и корпорации, потребительские союзы приобретают все большее значение в процессе посредничества между обществом и государством. В подготовке и принятии социально-экономических решений они нередко оказываются более эффективными, нежели инструменты традиционной партийной политики. Этому способствует широкое распространение во всех развитых странах органов функционального представительства, берущих на себя задачу согласования интересов в отдельных сферах.

Однако политические партии по-прежнему сохраняют важную роль в рекрутировании политической элиты и формировании политических лидеров. В условиях представительной демократии партии регулируют и стимулируют электоральный процесс и деятельность выборных органов. Они выполняют работу по отбору и выдвижению кадров, предлагают кандидатов, структурируют выбор избирателей, разрабатывают альтернативные программы развития страны и координируют деятельность государственных лиц, представляющих ту или иную партию.

В современном обществе функциональные и организационные характеристики партий претерпели существенные изменения, но это не дает оснований говорить об уходе партий с политической сцены. Дискуссия об упадке партий вызвана изменением функций и структуры партий, а не существованием партии как таковой. Несмотря на некоторое видоизменение партий и партийных систем, партийное правление остается доминирующей институциональной формой современной демократии. Партии и сегодня продолжают играть ключевую роль в политическом процессе.

Список цитированных источников

1. Кац, Р. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий / Р. Кац, П. Мэир // Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире: сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН; ред. и сост. А.И. Кулик, Е.Ю. Мелешкина. – М., 2006. – С. 27-44.

2. Сморгун, Л.В. Современная сравнительная политология / Л.В. Сморгун. – М.: РОССПЭН, 2002. – 472 с.